

Чупрова Евгения Дмитриевна

студентка

Научный руководитель

Фастова Марина Андреевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

г. Москва

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению понятия источника повышенной опасности через следующие теории: «теория деятельности», «теория объекта», теория «движущихся вещей». Изучение мнений представителей указанных теорий, их дискуссий на тему понятия «источник повышенной опасности» подтверждает, что на сегодняшний день в законодательстве отсутствует четко закреплённая позиция по определению и разграничению рассматриваемого понятия. Принятые в последние годы, зачастую в оперативном порядке, законодательные акты, дополняющие перечень видов источников повышенной опасности, имеют определённые недостатки. К тому же наблюдается отсутствие системности в принятии таких актов, ввиду точечных реакций законодателя на причинение вреда, спровоцированное резонансным случаем его причинения, либо увеличением таких случаев. Неопределённость в понятии привела к формированию большого массива противоречивой судебной практики по изучаемой проблеме. Ведь при отнесении тех или иных объектов к источникам повышенной опасности судьям приходится руководствоваться своим внутренним убеждением.*

***Ключевые слова:** повышенная опасность, повышено-опасная деятельность, специфическая деятельность, предметы материального мира, ответственность, вредоносность, эксплуатация.*

Понятие «источник повышенной опасности» (далее – ИПО) берет свое начало в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года. К изучению специфики ответ-

ственности за ущерб, нанесенный ИПО, обращались такие видные цивилисты, как Б.С. Антимонов, А.М. Белякова и О.С. Иоффе. Их научный интерес обусловлен особым правовым режимом данной категории, предполагающим возмещение вреда вне зависимости от наличия вины причинителя.

Действующее законодательство (ст. 1079 ГК РФ) устанавливает безусловную обязанность лиц компенсировать вред, возникший в процессе эксплуатации опасных технических средств, веществ или энергии. Единственным основанием для снятия ответственности является наличие форс-мажорных обстоятельств или вины самого потерпевшего. Однако правовая норма не содержит нормативного определения ИПО, что делает этот вопрос дискуссионным. Среди ученых-цивилистов наиболее распространены три трактовки природы этого явления: «теорию деятельности», «теория объекта», теория «движущихся вещей».

Представители «теории деятельности» – М.М. Агарков, Б.С. Антимонов, О.С. Иоффе полагают, что под ИПО необходимо понимать определенного рода деятельность, которая создает опасность для окружающих [11]. Так, М.М. Агарков писал: «ИПО...является не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей» [1].

По мнению Б.С. Антимонова, ИПО – это «всегда действие или система действий, т. е. деятельность, но никогда не «вещь» и не отсутствие действия, деятельности, не бездействие» [2].

Для признания деятельности «ИПО», – Б.С. Антимонов отмечал, «...не имеет значения характер деятельности: производственный, хозяйственный, научно-исследовательский или административно-управленческий».

Данная теория определяет, что возмещение вреда невозможно и недопустимо вне связи с деятельностью владельца ИПО. Авторы данного подхода связывают правовую природу опасности с поведением владельца. Они рассматривают любые формы использования материальных благ (от хранения до эксплуатации) как источник угрозы, который неотделим от деятельности самого субъекта права.

Авторы «теории деятельности» исходят из того, что статичные объекты не представляют угрозы – вредоносные свойства проявляются только тогда, когда вещь приводится в движение или задействуется в каком-либо процессе. При этом, как отметил О.А. Красавчиков [12], происходит отождествление двух понятий: «действие (функционирование) ИПО» и «деятельность владельца ИПО» – повышено-опасная деятельность. Первостепенное значение фактора воздействия источника для наступления вреда не вызывает сомнений. Тем не менее, сведение природы ИПО лишь к механическому (физическому) аспекту не позволяет в полной мере раскрыть специфику деятельности, создающей повышенную опасность.

Представители «теории объекта» также косвенно подтверждают значимость признаков опасной деятельности. В рамках данного подхода подчеркивается, что определенные материальные предметы (например, оружие или стройматериалы), которые суды не квалифицируют как ИПО в единичном и статичном виде, трансформируются в объекты повышенной опасности при их массовой эксплуатации. Таким образом, концентрация объектов на определенном пространстве (полигоне или стройплощадке) придает самой деятельности статус опасной для окружающих.

Представители «теории объекта» (О.А. Красавчиков, А.М. Белякова и др.) считают, что ИПО являются предметы материального мира, опасные свойства которых не поддаются полному контролю человека [13]. Представители данной концепции не отделяют материальные объекты от сферы человеческой деятельности. Их подход сводится к перечислению способов обращения с источником (хранение, транспортировка, эксплуатация), вследствие чего качественные признаки повышенной опасности лишаются самостоятельного правового значения.

Согласно этой позиции, деятельность, создающая повышенную опасность, сводится лишь к набору технических манипуляций владельца с объектом. В данной трактовке акцент смещается на физические свойства самого предмета, который признается источником угрозы в силу своих внутренних характеристик, независимо от процесса его непосредственной эксплуатации.

Характер повышено-опасной деятельности во многом зависит от специфики используемых в ней предметов. Тем не менее, «теория объекта» подвергается критике за необоснованное сужение круга источников опасности. Ярким примером является работа транспорта: если рассматривать автомобиль как ИПО сам по себе, вне процесса эксплуатации, то теряется смысл повышенной ответственности, ведь неподвижная машина в гараже безопасна. Как отмечает А.П. Сергеев, различия между концепциями теорий деятельности и объекта в значительной степени сглаживаются тем, что как сторонники «теории деятельности», так и приверженцы «теории объекта» «не абсолютизируют свои позиции, а, напротив, стараются связать «деятельность» и «объект» воедино» [7]. Поэтому, по мнению А.П. Сергеева, «допустимо определять ИПО и через понятие «деятельность», и через понятие «объект» при условии, что в обоих случаях указанные понятия будут неразрывно связаны друг с другом».

Концепция «движущихся вещей» дополняет перечень теоретических подходов к пониманию ИПО. Её сторонники (Н.Ю. Сергеева, Л.А. Майданник) полагают, что источником опасности следует считать лишь те предметы, которые находятся в процессе непосредственного использования. Таким образом, решающее значение придается признаку «работы» или «движения» агрегата, будь то поезд на маршруте или станок под напряжением, так как именно в этом состоянии они представляют риск для окружающих.

Л.А. Майданник и Н.Ю. Сергеева пишут: «Следует учесть, что те или иные вещи сами по себе не являются ИПО, а таковыми они становятся лишь в процессе их использования – тогда, когда они пускаются в эксплуатацию, когда они находятся в состоянии движения» [14].

Теоретические дискуссии нашли отражение в правоприменительной практике, которая трактует ИПО дуалистично: и как специфическую деятельность, и как материальный объект. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ (Постановление №1 от 26.01.2010), под источником повышенной опасности понимается любая активность, которую человек не способен полностью контролировать, что обуславливает высокую вероятность причинения вреда. Суды вправе рас-

ширять перечень ИПО, опираясь на технические свойства используемых объектов. Принципиально важным является то, что ответственность наступает независимо от того, был ли вред следствием целенаправленной эксплуатации или самопроизвольного проявления опасных свойств предмета. Таким образом, в судебной практике ИПО понимается как совокупность материальных средств, чья вредоносность в процессе использования не поддается полному человеческому контролю.

Деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, характеризуется не только тем, что она вредоносна, но и тем, что она содержит в себе некую неуправляемость, риск случайного причинения [15].

Вне рамок эксплуатации субъектами источники повышенной опасности сами по себе не несут угрозы. При этом закон рассматривает саму деятельность как правомерную – противоправным признается исключительно факт причинения вреда в ходе её осуществления. Следовательно, для возникновения деликтного обязательства достаточно наличия двух условий: факта нанесения ущерба в процессе опасной деятельности и прямой причинно-следственной связи между ними. Таким образом, вина и противоправность поведения владельца не являются обязательными условиями для наступления гражданско-правовой ответственности.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной технологизацией и внедрением инноваций, что неизбежно влечет за собой новые риски причинения вреда. Постоянное расширение перечня потенциально опасных объектов и появление нетрадиционных видов деятельности (от специфических медицинских методик до экстремального туризма) обуславливают противоречивость судебной практики. В условиях отсутствия легального определения «источника повышенной опасности» квалификация объектов во многом зависит от субъективного усмотрения судей. Представляется, что закрепление четкой дефиниции ИПО в гражданском законодательстве способствовало бы унификации правоприменения и минимизации правовой неопределенности.

Вторая причина обусловлена отставанием законодательной базы от динамичного развития технологий. Наиболее остро эта проблема проявляется в транспортной сфере, лидирующей по числу случаев причинения вреда жизни, здоровью и имуществу. Зачастую новые средства передвижения эксплуатируются в условиях правового вакуума, без четкого определения их статуса. Как следствие, при наступлении деликтных обязательств к владельцам таких объектов не применяется режим «строгой» ответственности по ст. 1079 ГК РФ. Вместо этого суды вынуждены квалифицировать правоотношения на общих основаниях (ст. 1064 или 1085 ГК РФ), что существенно усложняет защиту интересов потерпевших.

На сегодняшний день остро встал вопрос об отнесении к ИПО, например, беспилотных транспортных средств, сигвеев, робомобилей, гироскутеров и т. д. Электросамокаты уже признаются судом ИПО.

По мнению А.А. Антонова, «бурное развитие науки и техники привело к возникновению новых и модификации существующих видов ИПО, представляющих угрозу общественным интересам: применение новых видов энергии; вредных сверхсложных технологий и производств; систем искусственного интеллекта (ИИ)» [3].

Несмотря на то что законодатель предпринимает попытки нормативного регулирования данной проблемы, текущая нормотворческая деятельность носит фрагментарный характер. Принимаемые в оперативном порядке акты, расширяющие перечень ИПО, зачастую лишены системности и являются лишь «точечной» реакцией на резонансные инциденты или резкий рост статистики правонарушений. Представляется, что преодоление этой бессистемности возможно лишь путем разработки и принятия специализированного федерального закона. Такой акт должен консолидировать как общие принципы ответственности за вред от опасной деятельности, так и специфические нормы, регулирующие обязательства в отношении новых технологических объектов.

Законодательное закрепление дефиниции «источник повышенной опасности» (ИПО) в рамках специального нормативного акта обеспечит унификацию

понятийного аппарата во всех отраслях права. Реализация данной инициативы позволит упростить процедуру компенсации ущерба третьим лицам и четко разграничить ответственность в зависимости от типа используемого источника. Представляется целесообразным предусмотреть в законе возможность договорного регулирования ответственности, наделив потерпевшего правом выбора субъекта возмещения (собственника или фактического владельца). В качестве ориентиров при разработке такого акта могут выступать релевантные зарубежные примеры, такие как Закон Германии «Об ограниченной ответственности» или Закон КНР «О деликтной ответственности».

Обобщая результаты анализа существующих концепций, представляется целесообразным интерпретировать ИПО как ситуацию, выходящую из-под непрерывного и всеобъемлющего контроля субъекта. Данное состояние детерминировано совокупностью факторов: характеристиками внешней среды, свойствами причинителя вреда, пространственно-временными условиями, а также поведением потерпевшего или третьих лиц, что зачастую сопряжено с эксплуатацией опасных объектов. Проведенное исследование охватывает лишь малую часть этой фундаментальной проблемы, требующей дальнейшего изучения в условиях стремительного технологического прогресса. Очевидно, что под влиянием инноваций сущность ИПО будет непрерывно трансформироваться, что диктует необходимость гибкой и тщательной правовой регламентации новых видов опасной деятельности.

Список литературы

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву / М.М. Агарков. – В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 535 с. EDN QSOCSV
2. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности / Б.С. Антимонов. – М.: Госюриздат, 1952. – 295 с.

3. Антонов А.А. Беспилотные транспортные средства как источник повышенной опасности / А.А. Антонов // Транспортное право. – 2021. – №4. – С. 7–10. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3937-2021-4-7-10>. EDN DDBJLG

4. Белякова А.М. Имущественная ответственность за причинение вреда / А.М. Белякова. – М.: Юрид. лит., 1979. – 7 с.

5. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // *Ex Jure*. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE

6. Бурова И.Л. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем / И.П. Бурова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – №2 (209). – С. 84–93. EDN YXCVON

7. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 3 т. Т. 1. – М.: Проспект, 2021. – С. 288–315.

8. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Транспортное право. – 2022. – №4. – С. 13–20. DOI 10.18572/1812-3937-2022-4-13-20. EDN YNLWLS

9. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

10. Правовая культура: учебник / А.И. Землин, Е.В. Гоц, С.Н. Артамонова [и др.]. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – ISBN 978-5-534-15223-4.

11. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.

12. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. – М.: Юрид. лит., 1966. – 200 с. EDN ELZMYM

13. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды / О.А. Красавчиков. – В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 494 с. EDN QWNJOZ

14. Майданик Л.А. Материальная ответственность за повреждение здоровья / Л.А. Майданик, Н.Ю. Сергеева. – М.: Госюриздат, 1962. – 231 с.

15. Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности / Н.С. Малеин. – М.: Юрид. лит., 1965. – 7 с.

16. Медведев М.Ф. Ответственность за нарушение обязательств по новому Гражданскому кодексу Российской Федерации: учеб. пособие / М.Ф. Медведев. – Волгоград: Изд. ВАГС, 1996. – 7 с.